

УДК 902.02

М.А. Кирьяк¹, А.А. Орехов²,¹Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН,
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия
Факс: 8-413-22-30731²Северный международный университет,
ул. Портовая, 13, Магадан, 685000, Россия
Факс: 8-413-22-30021

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (полвека истории)

Изучение внутриконтинентальных культур

Начало “полярной археологии как науки”, по словам А.П. Окладникова, было положено участником Северо-Восточной географо-астрономической экспедиции конца XVIII в. Г.А. Сарычевым, который произвел первые раскопки на побережье Западной Чукотки [Окладников, Береговая, 1971]. Разрозненные материалы с северо-восточной окраины России, случайные находки, преимущественно плохо документированные, в конце XVIII – начале XX в. поступали в музеи и хранятся там до настоящего времени. В числе собирателей были С.П. Крашенинников, Г.А. Сарычев, О.Ф. Герц, К. Дитмар, А.Е. Норденшельд, Н.И. Попов, И.П. Сокольников, Н. Гондatti, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон и другие. Ими произведены и первые раскопки, непрофессиональные и незначительные по объему. Подавляющая часть находок – с наиболее доступных приморских памятников – относилась к неолитическому и более позднему времени; континентальная зона оставалась “белым пятном”. В изучении первобытной истории севера Дальнего Востока это был первый, начальный, период, в котором исследования носили преимущественно стихийный характер.

Археологическое изучение глубинных районов севера Дальнего Востока, включающего Магаданскую и Камчатскую области, Чукотский и Корякский автономные округа, началось сравнительно недавно. Еще в 1950 г. А.П. Окладников, давая оценку первым находкам из внутриматериковой Чукотки, писал: “Можно было даже подумать, что суровые и дикие

внутренние пространства Чукотского полуострова... вообще оставались пустынными и совершенно незаселенными человеком в древности” [1950, с. 196]. Первые археологические находки в районах Внутренней Чукотки были сделаны геологами. В 1947 г. Н.Н. Лешин обнаружил следы пребывания древнего человека в бассейне р. Якитикивеем (Центральная Чукотка). После осмотра береговой террасы им был “перерыт на глубину до 20 см” небольшой участок [Лешин, 1950, с. 194]. Собранные здесь материалы А.П. Окладников интерпретировал как поздненеолитические [1950, с. 197]. В 1952 г. Н.А. Граве открыл еще одну стоянку позднего неолита у оз. Чировое (Центральная Чукотка). В те годы шла интенсивная разведка чукотских недр и первые археологические открытия были сделаны, к сожалению, не археологами. Изыскания носили спорадический характер и отличались отсутствием профессионализма. В 1955 г. в окрестностях оз. Эльгыгытгын, самого большого во Внутренней Чукотке, работала экспедиция Института мерзлотоведения АН СССР. Ее участниками А.К. Саяпиным и И.А. Некрасовым были выявлены и обследованы три пункта с древними культурными остатками и тайник со складом готовых изделий на склоне ближайшей сопки. Основная часть артефактов из эльгыгытгынской коллекции попала в Чукотский окружной краеведческий музей, остальные предметы были увезены в Ленинград. Первые сведения о находках у оз. Эльгыгытгын были опубликованы в 1957 г. А.П. Окладниковым и И.А. Некрасовым. Совокупность данных по той части коллекции, которая находилась у А.П. Окладникова, позволила

Crabtree D.E., Davis E. Experimental manufacture of wooden implements with tools of flaked stone // *Science*. – 1968. – N 159. – P. 426 – 428.

Gijn A.L. van. The Wear and Tear of Flint. – Leuven: S.n., 1990. – 182 p.

Grace R. Interpreting the Function of Stone Tools: The quantification and computerisation of microwear analysis. – Oxford: British Archaeological Reports, 1989. – 255 p. – (BAR. International ser.; N 474).

Kelley L.H. Experimental determination of stone tool uses. – Chicago: University of Chicago press, 1980. – 212 p.

Knutsson K. Patterns of tool use // *Aun.* – Uppsala, 1988a. – N 10. – 114 p.

Knutsson K. Making and using stone tools // *Aun.* – Uppsala, 1988b. – N 11. – 206 p.

Leroi-Gourhan A., Brezillon M. L'habitation № 1 de Pincevent // *Gallia-Prehistoire*. – 1966. – T. 9, N 2. – P. 263 – 385.

Moss E.H. Functional analysis of flint implements // *BAR. International Ser.* – 1983. – N 177. – P. 74 – 107.

Olive M. Une habitation magdalénienne d'Etiolles // *Memories de la société préhistorique Française*. – 1988. – T. 20. – 175 p.

Pelegrin J. Experiments in bifacial work // *Flintknappers' exchange (an exchange medium of, by, and for lithic technologist)*. – 1981. – Vol. 4, N 1. – P. 4 – 7.

Pigeot N. Magdalénien d'Etiolles. – P.: Editions du CNRS, 1987. – 168 p.

Vaughan P.C. Use-wear Analysis of Flaked Stone Tools. – Tucson; Arizona: Univ. of Ariz. press, 1985. – 204 p.

Volkov P. The Distribution the Artifacts of the Experimental Work – Shop // *Journal of Korean Ancient Historical Society*. – Seoul, 1991. – N 12. – P. 147 – 163.

Volkov P. The Ancient Hearths: An Experimental Investigation // *Journal of Korean Ancient Historical Society*. – Seoul, 1995. – N 11. – P. 173 – 191.

Материал поступил в редколлегию 26.08.1999 г.

исследователю сделать вывод о развитой неолитической культуре охотников на дикого оленя, оставивших следы деятельности на берегах озера около 4 тыс. л.н. [Окладников, Некрасов, 1957]. В 1958 г. Н.Н. Диков и А.К. Саяпин опубликовали результаты исследований части коллекции, которая была передана Чукотскому окружному краеведческому музею [Саяпин, Диков, 1958]. На основе имеющихся данных А.П. Окладников и Н.Н. Диков классифицировали каменный инвентарь по функциональному назначению. Так начиналось подлинно научное осмысление культурных древностей из внутриконтинентальных районов Северо-Восточно-Азиатского региона*, сопровождавшееся активизацией полевых археологических исследований на севере Дальнего Востока со стороны двух ведущих краеведческих музеев – Чукотского окружного (раскопки в 1953 – 1955 гг. древнего поселения Канчалан в континентальной зоне Анадырского р-на) и Магаданского областного (экспедиция 1955 – 1956 гг. на Охотском побережье в пределах Ольского р-на). Археологические работы стали приобретать более систематический и планомерный характер. Полученные в результате раскопок источники представляли собой ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко не достаточный для воссоздания целостной исторической картины [Диков, 1967, с. 5]. Этим отмечен первый этап второго (советского) периода археологических исследований на Северо-Востоке.

Второй этап начинается с приходом в 1955 г. в Анадырский окружной музей Н.Н. Дикова, имевшего к тому времени солидную практику археологических работ в Забайкалье и защитившего под руководством А.П. Окладникова кандидатскую диссертацию. В 1956 – 1959 гг. Н.Н. Диков проводит сплошную разведку морского побережья северо-восточной части Чукотского п-ова и внутриконтинентальных районов Центральной Чукотки. На этом этапе экспедиционных работ им были выявлены, раскопаны и изучены десятки ранее неизвестных памятников каменного века – стоянок, мастерских, поселений. Раскопки Усть-Бельского могильника дали антропологический материал, позволивший реконструировать облик позднеолитического населения Внутренней Чукотки. В ходе изучения источников Н.Н. Диков пришел к выводу о том, что многочисленные следы неолитических культур по берегам рек и озер принадлежат охотникам на дикого оленя и рыбакам, далеким предкам юкагиров и чукчей [1958, с. 5 – 6]. По дан-

ным, полученным в результате обследования бассейнов рек Анадыря, Амгуэмы, Ванкарема, озер Красное и Чировое, он наметил контуры, а позже выделил внутриконтинентальные культуры Чукотки (поздне-неолитическую, северочукотскую (начало II – начало I тыс. до н.э.), усть-бельскую (конец II – первая половина I тыс. до н.э.)) эпохи бронзы и культуру пережиточного неолита (вакаревскую (середина II тыс. н.э.)) [1979, с. 139, 148, 234]. Накопленный к тому времени археологический материал сделал возможным поновому подойти к постановке проблем происхождения и древней истории коренного населения северо-востока Азии.

Третий этап начинается с организации в 1960 г. в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР. Среди его подразделений – лаборатория археологии, истории и этнографии, возглавить которую было предложено Н.Н. Дикову. С 1961 г. начались широкомасштабные работы, охватившие не только территорию Магаданской обл. с входящей в нее Чукоткой, но и внутренние, а также приморские районы Юго-Восточной Камчатки. В ходе первого же маршрута в бассейне р. Камчатки были обнаружены следы пребывания верхнепалеолитического человека. На берегу оз. Ушковского в нижних слоях стоянок Ушки I, II и VI удалось выявить две следующие друг за другом верхнепалеолитические культуры, соответствующие слоям VI и VII опорной стоянки Ушки I. Это открытие имело широкий резонанс, поскольку впервые позволяло подойти к проблеме древнего заселения Северо-Восточной Азии и Америки, “опираясь на достоверные археологические данные” [Диков, 1975, с. 44].

Ранняя ушковская культура, представленная слоем VII стоянки Ушки I, существовала, согласно радиоуглеродным датам, в интервале от $14\ 300 \pm 200$ (МАГ-550) до $13\ 800 \pm 250$ (ГИН-167) л.н. В слое исследовано поселение из десяти наземных жилищ, в центре которого находилось одиночное погребение. Оно выявлено по обильной засыпке красной охрой площадки вокруг погребальной камеры глубиной 0,7 м, доверху заполненной комками красной охры. Кости погребенного, подвергавшиеся длительному вымыванию грунтовыми водами, были плохой сохранности. Прекрасно сохранились пиррофиллитовые бусинки (881 шт.), которыми, вероятно, была украшена одежда погребенного. Для материального комплекса слоя VII характерны плоские черешковые металлические наконечники, бифасиальные каменные ножи листовидной формы и наконечники копий, пиррофиллитовые бусы и подвески, халцедоновые резчики для их изготовления (рис. 1). Комплекс слоя VII ушковских стоянок не имеет аналогов среди известных верхнепалеолитических культур Сибири и Дальнего Востока [Диков, 1979, 1993б].

* Археологическое изучение морского побережья началось несколько раньше: в 1945 г. в районе Берингова пролива работала экспедиция С.И. Руденко; в 1946 г. А.П. Окладниковым детально исследованы жилища бирнирской культуры, раскопки которых начал в XVIII в. Т.А. Сарычев.

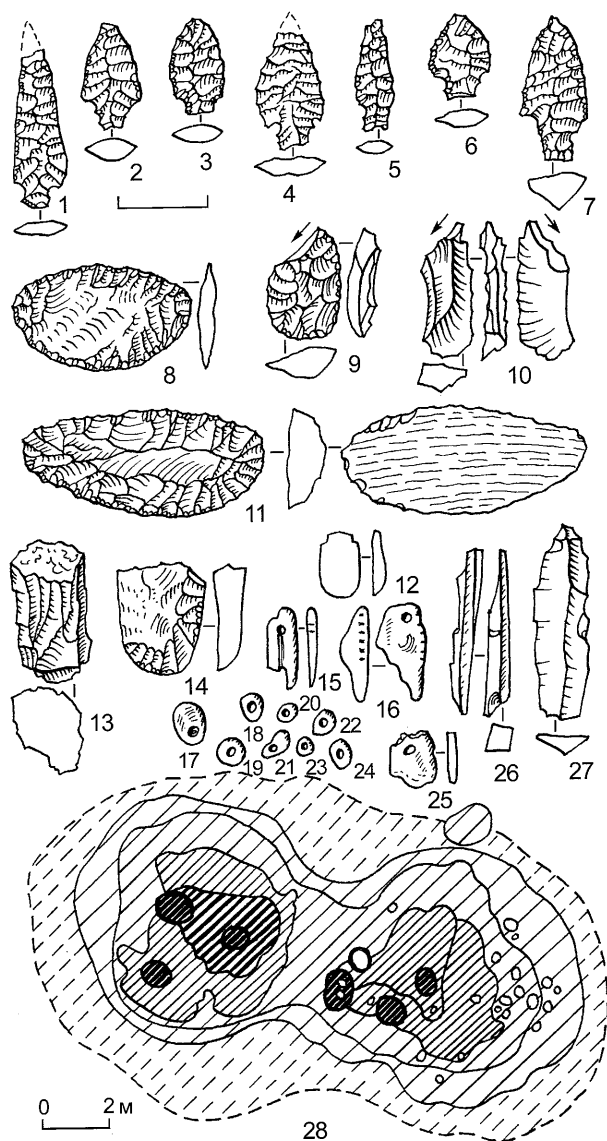

Рис. 1. Культурный комплекс 7-го слоя стоянки Ушки I.

1 - 7 - наконечники стрел; 8, 11 - ножи; 9, 10 - резцы;
12, 14 - скребки; 13 - нуклеус; 15, 16, 25 - подвески;
17 - 24 - бусы; 26 - резцевидное острие; 27 - ножевидная
пластинка; 28 - план углистой площадки пола двойного жилища.

Поздняя ушковская палеолитическая культура представлена слоем VI стоянок Ушки I и Ушки V, для которых получены радиоуглеродные даты: $10\ 860 \pm 400$ (МАГ-400), $10\ 760 \pm 110$ (МАГ-219), $10\ 360 \pm 350$ (МО-345) л.н. [Диков, 1993б]. Эта культура коренным образом отличается от предшествующей как по принципам домостроительства, так и по технико-технологическим показателям каменного инвентаря. На стоянке Ушки I выявлено более 40 разных по типам жилищ, которые можно разделить на три группы: углубленные с входным коридором (грибовидной формы) и очагом с каменной кольцевой выклад-

кой; углубленные без коридора (с аналогичной очажной конструкцией) и наземные со следами открытых кострищ [Диков, 1979, 1993б]. В углубленных жилищах обнаружены два детских погребения и погребение собаки. В детских погребениях сохранились молочные и постоянные зубы, судя по которым погребенные были в возрасте от 2 до 6 лет. В одном из погребений обнаружено более 150 зубов. От костей остались лишь "разрозненные желтые следы"* [Диков, 1993б]. Для материального комплекса слоя VI ушковских стоянок характерны клиновидные нуклеусы, совершенно не представленные в слое VII. В комплексе отмечено большое количество микропластинок, лыжевидных сколов, срединных и угловых резцов на отщепках, скребел-ножей "сибирского" типа. К специфическим элементам ансамбля артефактов слоя VI относятся каменные губные вставки-лабретки. Для этой поздней ушковской верхнепалеолитической культуры характерны бифасиальные каменные орудия, но метательные наконечники узкие листовидные, бесчерешковые (рис. 2). Особенность каменной индустрии - сочетание микроорудий с макроинвентарем ударного типа и скреблами-стругами [Там же]. Духовный мир "поздних" ушковцев раскрывается через погребения, а также образцы мобильного искусства. В слое VI обнаружены скульптурные изображения мамонтов, полизйконическая фигурка, песчаниковые плитки с графикой и крестообразным рисунком из точек. На полу одного из жилищ обнаружен геоглиф - изображение рыбы, выполненное красной охрой. С определенными религиозными представлениями связаны найденные в погребениях цинковка из резцов леммингов и, по-видимому, ожерелье из детских молочных зубов с корнями, в которых были просверлены отверстия.

Открытие ушковских культур (памятники Ушки I и Ушки V имеют семь культурных слоев) стало большим событием не только для отечественных, но и для зарубежных археологов, занимающихся изучением древних культур тихоокеанского круга. Археологические данные, полученные Н.Н. Диковым на Камчатке (слои VII и VI ушковских стоянок), а также материалы Аляски, которыми располагают американские археологи, свидетельствуют об определенных культурных традициях по обеим сторонам Берингова пролива, позволяют проследить несколько этапов в заселении Америки через Берингию и этнокультурные связи племен, населявших северо-восток Азии и Аляску [Диков, 1993а, с. 156]. Одну из последних сухопутных миграций в глубинные заледниковые районы Америки из Северной Азии специалисты

* Учитывая размеры погребальной камеры и распределение сопроводительного инвентаря, можно предположить, что были погребены лишь головы.

связывают с носителями культуры слоя VII ушковских памятников. Предполагается, что мигранты были предками индейцев [Там же, с. 158]. Следующая миграция фиксируется по культурным остаткам слоя VI ушковских стоянок и отмечена комплексами в Восточной Чукотке, а также на Аляске. В этническом отношении культура слоя VI первоначально соотносилась Н.Н. Диковым с предками эско-алеутов [Диков, 1979]. Прекрасно стратифицированные благодаря пепловым прослойкам палеолитические стоянки на Камчатке являются важным источником в решении проблем древнейшего заселения Америки. Открытие ушковских памятников и сегодня остается выдающимся событием в археологии севера Дальнего Востока.

Следующей вехой в изучении древнейших культур Северо-Восточно-Азиатского региона было открытие Н.Н. Диковым в зоне затопления Колымской ГЭС многослойных стоянок Конго, Сибердик и Малтан. Исследование этих памятников позволило выделить сибердиковскую культуру и проследить ее развитие от финального палеолита до неолита. Материальный комплекс этой уникальной в регионе культуры характеризуется сочетанием двух технологий – мелкопластинчатой и галечной. Сибердиковская культура реликтового палеолита, генетически тяготеющая к палеолитическим культурам Приамурья, явилась тем недостающим звеном, которое связывало юг Дальнего Востока и Северо-Западную Америку [Там же].

Параллельно с этими исследованиями велись поиски и раскопки более поздних памятников во внутренних районах Приколымья, Чукотки и Камчатки. На этом этапе археологических изысканий был открыт геологом Н.М. Саморуковым и исследован Н.Н. Диковым уникальный памятник монументального искусства Заполярной Чукотки – Пегтымельские петроглифы. В более 100 композициях запечатлены сцены бытового и магического характера: охота на китов в открытом море, на оленей во время плавей, на медведя с собаками и др. Петроглифы существенно расширили представления о хозяйстве и образе жизни древнего населения Чукотки. Они приоткрыли целый пласт духовной культуры аборигенов Заполярной Чукотки. Впервые Н.Н. Диковым был расшифрован смысл и дана интерпретация грибовидным изображениям, известным по наскальным рисункам Сибири. В Пегтымельских петроглифах яркое отражение получил культ гриба-мухомора, отмеченный у коренного населения участниками различных экспедиций XVIII – XIX вв. Его хронологическая глубина по пегтымельским рисункам измеряется I тыс. до н.э. Пегтымельские петроглифы – пока единственный известный нам памятник монументального искусства на севере Дальнего Востока.

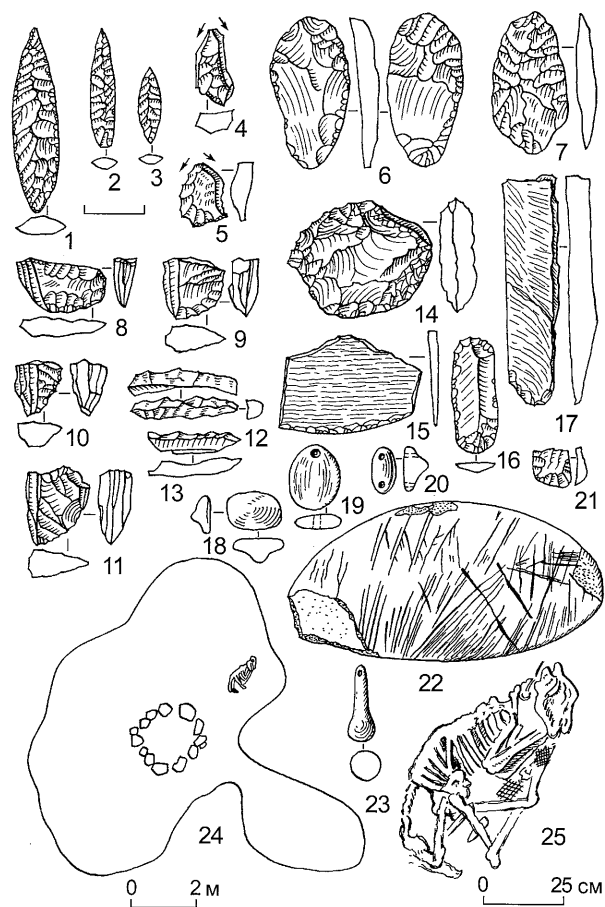

Рис. 2. Культурный комплекс слоя VI стоянки Ушки I. 1 – 3 – наконечники стрел; 4, 5 – резцы; 6, 7 – бифасиальные ножи; 8 – 11 – клиновидные нуклеусы; 12, 13 – лыжевидные сколы с них; 14 – скребловидный бифас; 15 – сланцевый нож; 17 – сланцевое лощило; 16, 21 – скребки; 18 – 20 – каменные лабретки; 22 – графит; 23 – подвески; 24 – план углубленного жилища с “коридором” (в нем – погребение собаки); 25 – следы скелета погребенной собаки.

Характеризуя третий этап археологических изысканий в рассматриваемом регионе, отметим тот факт, что многоплановые и крупномасштабные работы проводились небольшой группой исследователей, участником и руководителем которой был Н.Н. Диков. Но при всей осязательности результатов, которых ему удалось достичь, далеко не решенными оставались проблемы, связанные с происхождением коренных народов Северо-Востока, ранними этапами их этнической истории. Уже в 1930-е гг. эта проблематика была в центре внимания советских этнографов и антропологов, но отсутствие “достаточно конкретных материалов, в частности археологических, обусловило характерный для этих первых советских исследований социологический схематизм” [Диков, 1975, с. 46]. В его преодолении большую роль сыграло обобщение А.П. Окладниковым, С.И. Руденко, В.В. Антроповой, М.Г. Левиным известных к тому

времени полевых материалов [Там же]. Но фрагментарность и локальный характер полученных в 1940–1950-е гг. археологических данных не позволяли воссоздать цельное полотно древней истории; складывалась лишь мозаичная картина со множеством “белых пятен”. Особенно ощутимые информационные лакуны были связаны с Крайним Северо-Востоком Азии, в наибольшей степени труднодоступным для полевых работ. Не утратила актуальности задача проведения комплексных исследований, гарантировавших успех. Понимая ее важность, Н.Н. Диков в 1975 г. создал Северо-Восточно-Азиатскую комплексную археологическую экспедицию (СВАКАЭ), отряды которой были закреплены за определенными территориями. Благодаря такой организации удалось открыть и исследовать большое количество археологических памятников на Чукотке, Камчатке, Колыме и Охотском побережье. Исследования проводились в целях решения этнических проблем. Постепенно древняя история коряков, чукчей, ительменов, юкагиров, кереков, эскимосов, алеутов обретает зримые контуры. Результаты исследований обобщаются в монографиях [Диков, 1977, 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 1985; Орехов, 1987; Лебединцев, 1990; Кирьяк, 1993а]. Образование и деятельность СВАКАЭ имели огромное значение для археологических исследований на обширной территории севера Дальнего Востока.

В ходе изысканий во внутриконтинентальных районах Северо-Восточно-Азиатского региона в 1980-е – первой половине 1990-х гг. выявляются раннеголоценовые памятники, которые позволяют наметить контуры мезолитических культур и в отдельных случаях проследить их генезис. Однако районирование этих местонахождений свидетельствует о выборочном обследовании огромнейшей территории от Колымы на западе до Берингоморья на востоке. Тем не менее продолжается накопление источников. С середины 1980-х гг. возобновляет археологические работы Магаданский областной краеведческий музей. К археологическому поиску подключается Станция юных туристов. В результате были выявлены раннеголоценовые памятники в зоне Охотско-Колымского водораздела и верхней Колымы [Воробей, 1996; Слободин, 1996, 1997], представляющие юго-западный фланг севера Дальнего Востока. На его восточном фланге (внутренние районы Восточной Чукотки) культуры раннего голоцена фиксируются по комплексам стоянок в зоне Путорацкого перевала. Наиболее представительной среди них является стоянка-мастерская Путорака [Диков, 1993а]. В промежуточной зоне открыто четыре раннеголоценовых местонахождения: Тытыль I, Тытыль IV, Пункт 3 (Западная Чукотка), Экитыки III и Экитыки IV (Восточная Чукотка) [Кирьяк, 1993а,б, 1994, 1996а,б, 1997].

Все приведенные выше комплексы формировались в хронологических рамках бореала [Ложкин, Важенина, 1987], имеют близкие даты и относятся к переходному от палеолита к неолиту периоду, однако ясности в проблему мезолита они не вносят, напротив, делают ее еще более запутанной. Ими представлены совершенно разные культуры, генезис которых может быть установлен только при наличии обширного фактического материала, остающегося пока в значительной мере фрагментарным. Наиболее изученными в настоящее время являются восточнчукотские мезолитические памятники, на основе которых Н.Н. Диков выделяет путорацкую культуру. Ее материал очень своеобразен и не имеет аналогов на северо-востоке Азии [Диков, 1993б, с. 48]. Путорацкий комплекс интерпретируется исследователем “как исходное звено в распространении со стороны Чукотки в Америку важнейшего культурного компонента формирования древнейшей приморской культуры Берингии, включая и протоалеутскую Анангулу” [Там же]. С открытием путорацкой культуры Н.Н. Диков пересматривает свою гипотезу о последовательности миграций древних популяций из Азии в Америку. Первую миграцию (слой VII ушковских стоянок) он по-прежнему связывает с палеоиндейцами, вторую (слой VI ушковских стоянок) – с предками атапасков (надене), а третью (путорацкий комплекс) – с протоэскимосо-алеутами, так как, по мнению исследователя, “сходство путорацкого комплекса с пластинчатым набором орудий протоалеутской стоянки Анангула более убедительно, чем сходство с ним позднеушковской культуры и ее продолжения на Аляске – культуры денали” [Там же].

Продолжающаяся дискуссия об истоках мезолитических культур на северо-востоке Азии, их распространении и влиянии может быть конструктивной при условии достаточно широких в территориальном отношении исследований (в частности, на Чукотке, центральные районы которой остаются слабо изученными), а также обоснованного вычленения (с учетом региональных особенностей) вариантов сумнагинской (Якутия) суперкультуры и ее хронологических этапов. Пока же проблема мезолита в Северо-Восточно-Азиатском регионе существует на уровне постановки. Ее решение зависит от состояния археологических поисков в сложном природно-географическом регионе и теоретических основ, необходимости выработки которых давно назрела.

Мы остановились на ключевых моментах исследований археологии севера Дальнего Востока и уделили внимание анализу внутриконтинентальных культур. В числе наработок есть и такие, которые перспективны для дальнейших исследований. Далеки от разрешения проблемы самого раннего присутствия человека на Крайнем Северо-Востоке Азии и

первоначального заселения Американского континента [Там же, с. 176]. На севере Чукотского п-ова при геологическом бурении в ледниковых отложениях, генезис которых не вполне ясен, обнаружены немногочисленные культурные остатки более чем 30-тысячелетнего возраста [Лаухин, Дроздов, 1989]. В районе данного местонахождения нами в процессе рекогносцировочного маршрута обнаружено несколько пунктов с признаками пребывания человека в конце плейстоцена – начале голоцена. Это пока малочисленные комплексы с архаичными торцевыми нуклеусами, аналогичными восточно-чукотским с верхнепалеолитической стоянки Курупка [Диков, 1993а, табл. 15, 9 – 11] (рис. 3). Более древним могут оказаться палеолитические местонахождения, обнаруженные Н.Н. Диковым в Улювеевской впадине (северо-восток Чукотского п-ова) с грубо обработанными скребловидно-рубилевидными орудиями и ярко выраженными рубилевидными артефактами [Диков, 1993а,б, 1994].

Довольно интригующие находки – галечные нуклеусы, аналогичные ядрищам со стоянки Кумары II (на Амуре), чопперы со скребловидным рабочим краем, сопоставимые с подобными находками из коллекций “кварцитового палеолита” в Приангарье и артефактами из комплекса стоянки Эжанцы (Якутия), а также концевые скребки на сечениях широких пластин обнаружены нами на 120-метровой террасе в приустьевой зоне р. Орловки (правобережье Большого Анюя на Западной Чукотке) [Кирияк, 1985]. К сожалению, раскопки, охватившие небольшую территорию стоянки, не возобновлялись из-за чрезвычайно высокой стоимости транспортных перевозок.

Интересны и открытые нами в заполярном районе Западной Чукотки в сезоне 1998 г. три стоянки с материальными остатками пока неизвестной на Чукотке культуры, каменная индустрия которых базируется на отделении грубых макропластин, пластин и отщепов, снятых с подконусовидных, кубовидных и атипичных нуклеусов. В комплексах имеются дисковидные бифасы довольно крупных размеров, серия зубчато-выемчатых орудий, остроконечники, отмечены леваллуазские элементы.

Одной из заманчивых перспектив представляется продолжение начатых нами раскопок нового верхнепалеолитического памятника Ушки V, разведанного Н.Н. Диковым в 1975 г. Много нового могут принести дальнейшие работы и в Охотско-Колымской зоне.

Изучение приморских культур

С начала XX в. и до конца 1930-х гг. археологические изыскания и сбор коллекций артефактов на побережье Берингова и Охотского морей проводились не

специалистами-археологами, а краеведами, геологами, путешественниками, географами и носили случайный характер, но переданные в музеи собранные материалы заложили основу будущих исследований.

Концепция этнического развития Северо-Востока и происхождения эскимосов, ительменов, коряков и алеутов, а также этнических связей в северной зоне Тихого океана была сформулирована в работах выдающихся этнографов В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона*.

Первые археологические раскопки на Камчатке и Алеутских о-вах проводились В.И. Иохельсоном. Собранные им коллекции и первая их этнокультурная интерпретация были опубликованы только в 1930 г. [Иохельсон, 1930].

Известные к концу 1930-х гг. археологические материалы по Северо-Востоку СССР обобщил А.П. Окладников, в то время молодой исследователь, а впоследствии ведущий археолог Сибири и Дальнего Востока, академик АН СССР. В разделе “Север Сибири в первом тысячелетии нашей эры” макета “Истории СССР с древнейших времен до образования Русского государства” он выделил основные этапы древнейшей истории и дал культурно-исторический анализ археологических источников. Тарьинскую культуру А.П. Окладников датировал развитым неолитом (II – I тыс. до н.э.) и связывал с предками ительменов. Материалы В.И. Иохельсона с оз. Курильского он относил к более позднему периоду и трактовал как протоительменские. А.П. Окладников разделял точку зрения В.И. Иохельсона о том, что археологические памятники северо-западного побережья Камчатки оставлены предками коряков. Археологические материалы побережья Чукотского п-ова, по мнению А.П. Окладникова, соответствовали трем периодам протоэскимосской культуры: древнеберингоморскому, пунукскому и туле. В этнокультурной реконструкции им широко использовались этнографические и фольклорные источники.

В 1930 – 1940-е гг. идеологическая интерпретация археологических материалов Северо-Востока, отражавшая общие тенденции развития археологии, проходила без идейного противоборства при сохранении конкретно-исторического подхода в археологических исследованиях, широкой интеграции с этнографией и антропологией. Важное значение имел доклад А.П. Окладникова на первом совещании по проблемам этнографии (май 1940 г.), в котором был обобщен огромный археологический материал по неолиту Сибири и выделен ряд локальных культур, в

* Обобщающие монографии В.Г. Богораза “Чукчи” и В.И. Иохельсона “Коряки” были опубликованы в США на английском языке и не утратили своего значения и сейчас. Работа В.Г. Богораза позже была переведена на русский язык [1934, 1939].

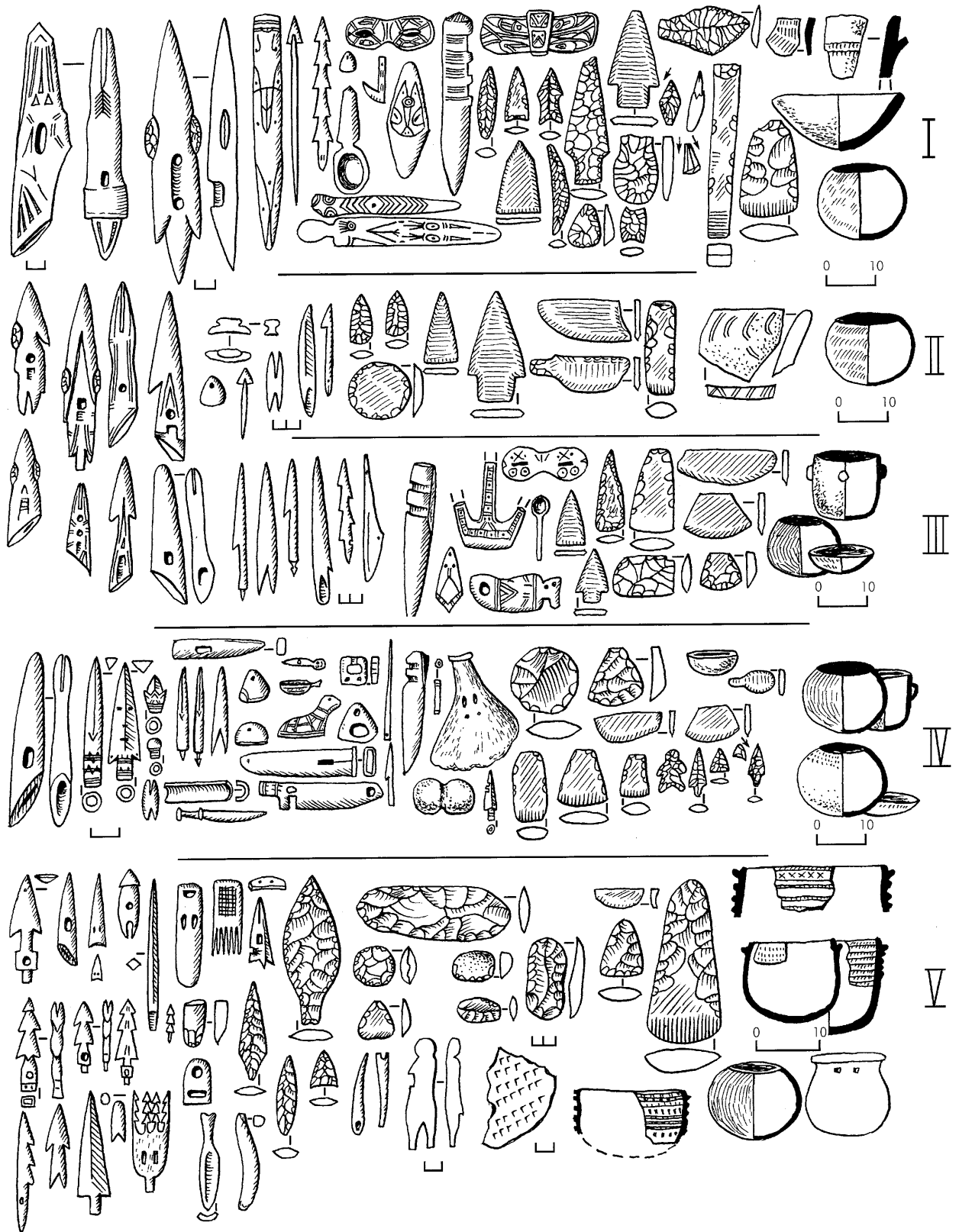

Рис. 3. Материальные комплексы приморских культур.
 I – оквикско-древнеберингоморский; II – бирнирский; III – пунукский;
 IV – лахтинский; V – древнекорякский (атарганская стадия).

частности, айнская, среднекамчатская ительменская и арктическая. Положения данного доклада, во многом не утратившие научного значения в настоящее время, стали основой для разработки этногенетических проблем Сибири, в т.ч. и севера Дальнего Востока.

Масштабные целенаправленные исследования приморских археологических памятников начались в послевоенные годы. В 1945 г. Институтом Арктики была организована экспедиция на Чукотский п-ов. Возглавил ее старший научный сотрудник Института истории материальной культуры проф. С.И. Руденко, который обследовал ряд древнеэскимосских поселений и собрал значительный подъемный материал из береговых обнажений и частично раскопанный из шурфов. В опубликованной в 1947 г. монографии исследователь проанализировал материальную культуру и социальную организацию древних эскимосов, затронул остродискуссионные аспекты эскимосской проблемы. Используя схему, разработанную американским археологом Генри Коллинзом, С.И. Руденко выделил древнеэскимосские культуры: уэлено-оквикскую (наиболее древнюю), древнеберингоморскую и пунукскую.

В 1946 г. Колымская экспедиция под руководством А.П. Окладникова исследовала у Баранова мыса вблизи устья Колымы несколько древних эскимосских жилищ бирнирской культуры, до этого неизвестной на Чукотке [Окладников, Береговая, 1971]. Но изучение древнеэскимосских памятников в те годы носило эпизодический характер и определялось уровнем развития арктической археологии.

Существенный вклад в решение этногенетических проблем, в частности этногенеза эскимосов, в начале 1950-х гг. был сделан антропологами. В 1951 г. ведущий советский антрополог Г.Ф. Дебеч выявил генетические взаимоотношения физических типов эскимосов, чукчей, коряков и ительменов как между собой, так и с представителями антропологических типов других народов Азии и Америки. Он подтвердил заключение А.М. Золотарева и М.Г. Левина о том, что эскимосы с антропологической точки зрения занимают промежуточное положение между чукчами и индейцами. В специальном исследовании “Происхождение коренного населения Америки” Г.Ф. Дебеч на основе археологических и этнографических источников рассматривает проблему первоначального заселения Америки и впервые в нашей науке обосновывает гипотезу заселения этого континента из Северо-Восточной Сибири по Берингийскому сухопутному “мосту” в конце четвертичного периода [1951].

В 1950 – 1970-е гг. изучение древней истории и антропологии эскимосов вышло на новый уровень. В 1955 г. ленинградский археолог Д.А. Сергеев начал раскопки Уэленского могильника. В 1956 – 1963 гг.

часть этого памятника исследует Н.Н. Диков, параллельно с ним в 1957 – 1961 гг. под руководством антрополога М.Г. Левина с участием Д.А. Сергеева работает экспедиция Института этнографии АН СССР. По результатам исследований вводится в научный оборот комплекс новых материалов, предлагаются датировка проникновения железа в Арктику (середина I тыс. н.э.) и типология поворотных наконечников гарпунов, на основе которой оквикская культура определена как более поздняя, чем древнеберингоморская [Левин, Сергеев, 1960, 1964]. Данное изменение периодизации древнеэскимосских культур было поставлено под сомнение Н.Н. Диковым [1972], который в 1963 г. в ходе генеральной разведки морского побережья Чукотки выявил Чегитунский и другие древние кладбища и становища, полностью раскопал в 1965 г. Чинийский древнеберингоморский могильник, а в 1975 г. открыл на о-ве Врангеля древнейшую в Азии палеоэскимосскую культуру [Диков, 1975, с. 49]. Прекрасные результаты принесло научное сотрудничество археологов и этнографов. Итоги исследования Уэленского могильника были опубликованы Д.А. Сергеевым и известным этнографом С.А. Арутюновым в 1969 г. в книге “Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)”, а в 1970-е гг. ими начато исследование большого древнеберингоморского Эквенского могильника. Опираясь на археологические источники и широко привлекая этнографические данные, авторы развили свои идеи, касающиеся эскимосской проблемы, и подтвердили сформулированную ранее типологию [Арутюнов, Сергеев, 1975].

Таким образом, древнеэскимосские памятники были обнаружены по всему побережью Чукотского п-ова; советские археологи значительно расширили базу источников, что позволило выйти на новый уровень разработки эскимосской проблемы, в которой стали преобладать гипотезы не американского, а азиатского происхождения эскимосов.

С 1980-х гг. раскопки Эквенского могильника продолжил Государственный музей искусства народов Востока. Несмотря на большое внимание к эскимосской проблеме, последнюю точку в ней ставить рано – еще многое остается нерешенным.

Основы изучения приморских памятников, связанных с древней историей коряков, заложил А.П. Окладников. В 1946 г. Колымская экспедиция под его руководством обследовала древние поселения на Охотском побережье. Полученные материалы позволили А.П. Окладникову выдвинуть гипотезу об особом, охотском, очаге формирования зверобойной культуры. В 1955 – 1957 гг. сотрудники Магаданского музея А.В. Беляев, Г.А. Пытляков и В.Е. Липовский начали раскопки древнекорякских поселений и захоронений на севере Охотоморья. В 1958 – 1961 и в

1964 г. целенаправленное исследование археологических памятников эпохи неолита и древнекорякской культуры на Охотском побережье проводит Р.С. Васильевский, который в 1971 г. обобщает результаты своих исследований и все известные к тому времени археологические материалы [1971]. В его монографии дается периодизация и выделяются этапы развития древнекорякской культуры. Источниковая база позволила ученому создать социально-экономическую и этнокультурную реконструкции, а также определить место древнекорякской культуры в широком ареале культур северной части Тихого океана. Проблемам генезиса, адаптации и эволюции приморских культур этого ареала посвящен объемный труд Р.С. Васильевского “Древние культуры Тихоокеанского Севера” [1973], написанный с широким привлечением материалов зарубежных археологов и этнологов.

С организацией в 1960 г. в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института с лабораторией археологии, истории и этнографии в его составе археологические изыскания, проводимые АН СССР, были приближены к объектам изучения. Расширяется масштаб и тематика, возрастает роль региональных исследований.

Существенный вклад в изучение приморских культур Северо-Восточной Чукотки (на стыке с Америкой) внес Н.Н. Диков. Благодаря интенсивным раскопкам на побережье Берингова пролива от Уэлена до Чаплино им было выявлено большое количество памятников неразвитого железного века и пережиточного неолита. С учетом полученных данных Н.Н. Диков разработал новый концептуальный подход к этнокультурной дифференциации древнеэскимосских памятников на Крайнем Северо-Востоке Азии. Наиболее древней из приморских культур этого региона он считал оквикскую, которая возникла раньше древнеберингоморской, а затем длительное время с ней сосуществовала [1979, с. 169, 183]. Доминирующее положение на Чукотке занимают памятники древнеберингоморской культуры, носители которой специализировались на морском зверобойном промысле (см. рис. 3, I). В формировании этой культуры приняли участие неозскимосские комплексы Аляски [Там же, с. 203]. Древнеберингоморскую культуру на северо-восточном побережье Чукотки сменили бирнирская и пунукская культуры. Центром распространения бирнирской культуры является район м. Барроу (северный берег Аляски). Ее носители охотились на мелких ластоногих и оленей [Там же, с. 216] (см. рис. 3, II). На побережье Чукотки параллельно с бирнирской существовала культура пунук, развивавшаяся непосредственно из древнеберингоморской. Она вытеснила бирнирскую и существовала до XVI в. [Там же, с. 218] (см. рис. 3, III). Наиболее поздней из древнеэскимосских культур, отмеченных на побере-

жье Чукотки, является культура туле – результат гренландско-канадского неозскимосского влияния [Там же, с. 225]. Эта дифференциация древних культур, по мнению Н.Н. Дикова, отражает этнические различия [Там же, с. 287]. Большую роль в изучении ранних этапов этнической истории эскимосов сыграло открытие Н.Н. Диковым древнейшей в Азии палеозскимосской культуры на о-ве Врангеля.

Исследования приморских и континентальных районов Южной Камчатки под углом зрения проблем происхождения ительменов и расселения айнов проводились Т.М. Диковой. Опираясь на материалы многослойной стоянки Авача, она выделила устойчивую и стабильную неолитическую культуру – тарьинскую (по названию бухты), которую интерпретировала как древнеительменскую. Ею был сформулирован вывод о спорадическом использовании древними ительменами морских биоресурсов и сохранении в целом облика континентальной рыболовецкой культуры. Археологические материалы документируют эпизодические появления айнов (“курильцев”) на Камчатке, которые не оказали большого влияния на культуру коренных жителей [Дикова, 1983, с. 167].

Изучение древнеительменской культуры было продолжено А.К. Пономаренко. В ходе десятилетних изысканий на территории Восточной Камчатки им выявлена северная граница расселения древних ительменов. На основе исследования более 70 археологических памятников (в том числе древнекорякских) он выделил этапы древнеительменской культуры, проследил ее связи с древнеберингоморской культурой, сыгравшей важную роль в распространении технологий морских зверобоев в Охото-Берингоморье. А.К. Пономаренко отметил также невосприимчивость древних ительменов к традиции морских зверобоев [1985].

Исследованием приморских памятников Северо-Западного Берингоморья в течение 12 лет занимался А.А. Орехов. Материалы изучения 48 археологических объектов, включающих поселения и жертвенники, явились основой для выделения лахтинской культуры, характеризующейся своеобразием материальных комплексов, которые указывают на специализацию приморского хозяйства (см. рис. 3, IV). Культурные традиции каменной и костяной индустрии лахтинцев, их уклад хозяйства, конструкция жилищ и жертвенников, керамика продолжают свое развитие в этнографически известной культуре кереков [Орехов, 1987, с. 168].

Большое значение в решении важнейших проблем древней истории Северо-Востока (происхождение древнекорякской культуры, “пеших тунгусов”, формирование приморской экономики, в том числе возникновение морского зверобойного промысла,

появление керамического производства, проникновение металла и др.) имеют археологические исследования Северо-Западного Приохотья, начатые Р.С. Васильевским и продолженные в 1980-е гг. А.И. Лебединцевым [Лебединцев, 1990, с. 3]. В ходе археологических работ А.И. Лебединцевым было изучено более 20 стоянок, относящихся к неолиту и раннему железному веку. Анализ многообразного каменного и костяного инвентаря, кругло- и плоскодонной керамики позволил ему проследить истоки древнекорякской культуры (см. рис. 3, V) и отметить влияние на формирование открытой им токаревской культуры со стороны внутриконтинентальных колымских племен, а также древних культур Приамурия, Приморья, Прибайкалья [Там же, с. 240]. В целом исследователь, привлекая уже новые археологические данные, повторил основные выводы Р.С. Васильевского о происхождении и этапах развития древнекорякской культуры. Увлечение полемикой помешало А.И. Лебединцеву определить критерии выделенной им токаревской культуры.

Фундамент научных исследований на севере Дальнего Востока был заложен Н.Н. Диковым. В его активе – периодизация, этнокультурная характеристика археологических памятников, решение проблем первоначального заселения Северо-Восточной Азии, Америки и др. Однако к концу XX столетия, несмотря на значительные успехи в археологическом, антропологическом и этнологическом исследованиях Северо-Востока, далеко не все проблемы получили свое решение. Дискуссионными остаются проблемы этногенеза автохтонного населения Северо-Востока, генезиса приморских культур и этапов освоения морского побережья, преемственности и взаимодействия древнеэскимосских культур Азии и Америки. Осложняет ситуацию неравномерность исследования различных районов и научной интерпретации археологических материалов. Успешное продвижение в решении названных проблем видится в выработке единого системного подхода к исследованиям, их комплексном характере (участие археологов, антропологов, лингвистов, геоморфологов). Внушает оптимизм и расширяющееся сотрудничество российских и зарубежных ученых.

Список литературы

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 201 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1934. – Гл. 1. – 192 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Гл. 2. – 195 с.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 251 с.
- Васильевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 267 с.
- Воробей И.Е.** Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ РАН, 1996. – С. 24 – 51.
- Дебев Г.Ф.** Происхождение коренного населения Америки // ТИЭ. Нов. сер. – 1951. – Т. 16. – С. 523 – 538.
- Диков Н.Н.** Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения // Зап. Чукот. краевед. музея. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1958. – Вып. 1. – С. 5 – 11.
- Диков Н.Н.** О задачах исторических исследований на Севере Дальнего Востока СССР // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – Вып. 17. – С. 4 – 14.
- Диков Н.Н.** Наскальные загадки древней Чукотки. (Петроглифы Пегтымеля). – М.: Наука, 1971. – 131 с.
- Диков Н.Н.** Новые данные к истории эскимосской культуры // Краевед. зап. – Магадан, 1972. – Вып. 9. – С. 107 – 119.
- Диков Н.Н.** Основные проблемы археологического изучения Северо-Востока СССР // Вопр. истории. – 1975. – № 10. – С. 43 – 53.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н.Н.** Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб.: Наука, 1993а. – 304 с.
- Диков Н.Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан: СВКНИИ РАН, 1993б. – 68 с.
- Дикова Т.М.** Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 231 с.
- Иохельсон В.И.** Археологические исследования на Камчатке (1910 – 1911 г.) // Изв. РГО. – 1930. – Т. 62, вып. 3. – С. 199 – 242; Вып. 4. – С. 351 – 385.
- Кирьяк М.А.** Орловка II – первая палеолитическая стоянка Западной Чукотки // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ РАН, 1985. – С. 12 – 23.
- Кирьяк М.А.** Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М.: Наука, 1993а. – 216 с.
- Кирьяк М.А.** Новый комплекс артефактов каменного века из района озера Эльгыгытгын // Природа впадины озера Эльгыгытгын. – Магадан: СВКНИИ РАН, 1993б. – С. 199 – 211.
- Кирьяк М.А.** Тытыль – новый мезолитический памятник Западной Чукотки // Вестн. ДВО РАН. – 1994. – № 4. – С. 103 – 107.
- Кирьяк М.А.** Новый мезолитический памятник Западной Чукотки // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: Материалы междунар. конф. – Владивосток: Б.и., 1996а. – С. 112 – 116.
- Кирьяк М.А.** Докерамические местонахождения в бассейне р. Кымынейвеем (Восточная Чукотка) // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ РАН, 1996б. – С. 17 – 24.

- Кирьяк М.А.** Мезолитические местонахождения на оз. Экитыки (Центральная Чукотка) // *Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и сопредельных территорий.* – Магадан: СВКНИИ РАН, 1997. – С. 9 – 18.
- Лаухин С.А., Дроздов Н.И.** Первое местонахождение артефактов начала позднего палеолита на севере Чукотского полуострова // *Проблемы краеведения: Арсеньевские чтения.* – Усурийск: Б.и., 1989. – С. 37 – 41.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
- Левин М.Г., Сергеев Д.А.** К вопросу о времени проникновения железа в Арктику // *СЭ.* – 1960. – № 3. – С. 116 – 122.
- Левин М.Г., Сергеев Д.А.** Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы. – М.: Наука, 1964. – 12 с.
- Левошин Н.Н.** Древняя стоянка в верховьях р. Якиткивеем // *КСИИМК.* – 1950. – Вып. 31. – С. 193 – 195.
- Ложкин А.В., Вазенина Л.П.** Особенности развития растительного покрова Колымской низменности в раннем голоцене // *Четвертичный период Северо-Востока Азии.* – Магадан: СВК НИИ РАН, 1987. – С. 135 – 144.
- Окладников А.П.** Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 года в Колымском крае // *ВДИ.* – 1947. – № 1. – С. 176 – 182.
- Окладников А.П.** Первый неолитический памятник Чукотского полуострова // *КСИИМК.* – 1950. – Вып. 31. – С. 196 – 198.
- Окладников А.П.** Неолит Сибири и Дальнего Востока // *Каменный век на территории СССР.* – М.: Наука, 1970. – С. 172 – 193.
- Окладников А.П., Береговая Н.А.** Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск: Наука, 1971. – 214 с.
- Окладников А.П., Васильевский Р.С.** Северная Азия на заре истории. – Новосибирск: Наука, 1980. – 160 с.
- Окладников А.П., Некрасов И.А.** Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгыгытгын) // *СА.* – 1957. – Вып. 2. – С. 102 – 114.
- Орехов А.А.** Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. – М.: Наука, 1987. – 174 с.
- Пономаренко А.К.** Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 216 с.
- Саяпин А.К., Диков Н.Н.** Древние следы каменного века на Чукотке. (Находки на берегу озера Эльгыгытгын) // *Зап. Чукот. краевед. музея.* – Анадырь, 1958. – Вып. 1. – С. 17 – 31.
- Слободин С.Б.** Стоянки каменного века Оханджийского археологического района (Верхняя Колыма) // *Археологические исследования на Севере Дальнего Востока.* – Магадан: СВКНИИ РАН, 1996. – С. 77 – 115.
- Слободин С.Б.** Археологические комплексы Охотско-Колымского нагорья // *Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и сопредельных территорий.* – Магадан: СВКНИИ РАН, 1997. – С. 18 – 67.

Материал поступил в редколлегию 28.04.1999 г.